

**Правовое наследие
народов Северного Кавказа
как ресурс демократии обычного права
для межнационального согласия***

БАБИЧ Ирина Леонидовна

*Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник отдела Кавказа
Института этнологии и антропологии РАН,
г. Москва, Россия.*

Электронная почта: irina@babich1.net.

**Legal Heritage of the Peoples
of the North Caucasus as a Resource
of the Customary Democracy
for the Inter-Ethnic Concord**

Irina I. BABICH

*Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Chief Researcher, Department of the Caucasus Studies,
Institute of Ethnology and Anthropology,
RAS, Moscow, Russia
E-mail: irina@babich1.net*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 15-18-00099-а «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт».

Аннотация

Статья посвящена роли северокавказского адата в современном обществе, его месту в культурном и правовом поле на Кавказе. Отдельно в статье рассмотрена роль института кровной мести в настоящее время и способы его ослабления с помощью традиционного медиаторства.

Ключевые слова: обычное право, адат, народы Северного Кавказа, институт кровной мести, медиаторы, традиционная культура.

Abstract

The article focuses on the role of the North Caucasian adat in contemporary society and examines its place in the cultural and legal environment in the Caucasus. Separately, in the article the modern role of the institution of blood feud its analyzed and the ways to weaken it by the conventional mediation are revealed.

Keywords: customary law, adat, the peoples of the North Caucasus, blood feud, mediators, traditional culture.

Обычное право народов Северного Кавказа, которое принято называть «горским адатом», имеет длительную историю, корни которого уходят в далекое средневековье. Российская империя, присоединив регион в ходе Русско-Кавказской войны, столкнулась с необходимостью «считаться» с ним как с одним из механизмов регулирования конфликтов. Советская власть, в целом негативно оценивая его роль в советском обществе, тем не менее, использовала отдельные институты адата. Отчасти судебная политика советской власти по отношению к горскому

адату изменилась в конце 1950-х гг., когда сначала в годы хрущевской оттепели, затем в застойные годы советская печать и органы Министерства юстиции республики заговорили о наличии у горцев революционных «полезных адатов». Задачей советских судебных органов в период завершения социалистической перестройки ставилось выделение сохранившихся «полезных» норм адата (почитание стариков, медиаторство, охрана общественного порядка и собственности), их развитие и по-прежнему решительная борьба с вредными адатами (бесправие и забитость женщины, кровная месть). По мысли идеологов советских реформ, нужно было поставить полезные адаты на службу советской власти.

Большую власть в это время приобрели сельские сходы и особенно старики-примирители, сохранившие знание адатных норм. Наиболее авторитетных мужчин села, чье мнение может быть принято, стали привлекать в качестве посредников-медиаторов. Власти смотрели на их полулегальное существование сквозь пальцы.

Медиаторский суд как правовой институт отсутствовал в 1950 — 1980-е гг. и отсутствует в настоящее время. В современных северокавказских обществах до некоторой степени сохраняется традиционное правовое сознание и в основе адыгской жизни продолжает лежать принцип примирения, который способствует созданию спокойной атмосферы и общественного мнения, направленного на сохранение миролюбивых отношений. Медиаторы считаются общественными в современном понимании этого слова посредниками, которые принимают участие в примирении конфликтующих сторон.

У горцев Северного Кавказа сохраняются понятия о коллективной (родственной) ответственности за вину

и коллективном праве представлять интересы своих потерпевших родственников. Как и в пореформенное время, медиаторы начинают заниматься конкретной спорной ситуацией только по заявлению потерпевшего или его близких родственников. Ответчиком может быть как сам обвиняемый, так и его близкие родственники.

Как и ранее, в современном горском обществе количество выбираемых для рассмотрения дела медиаторов зависит от серьезности причиненного ущерба. Если в исходном конфликте был нанесен незначительный ущерб, то группа медиаторов может состоять из двух человек (см.: [16] [17] [18] [20] [21] [22] [25] [27] [28]).

Если ущерб был значителен, возникала необходимость выбрать пять-шесть медиаторов. Численность медиаторов у северокавказских народов может варьироваться. Так, у осетин выбирают по четыре примирителя с обеих сторон.

Как в 1950–1980-е, так и в 1990-е гг. медиаторы, или как их чаще в настоящее время называют посредники, продолжают оставаться ключевыми фигурами в обычно-правовой практике народов Северного Кавказа.

В целом в современном обществе критерии выбора на роль медиаторов сохраняются прежними, но появились и некоторые изменения. В группу медиаторов, как показывают наши адыгские этнографические данные, входят, во-первых, авторитетные пожилые мужчины, проживающие с виновным в одном квартале, во-вторых, «старшие» рода виновного, в-третьих, близкие родственники виновного (старшие по возрасту члены семьи, отец или мать виновного, родственники матери, старшие братья виновного, если он молод). Если в группе медиаторов нет пожилого авторитетного односельчанина, то могут пригласить и духовное

лицо. Медиаторы должны обладать рядом определенных качеств (мягкостью, религиозностью, авторитетом) для успешного урегулирования конфликтных ситуаций. Большое значение имеют и дружеские связи как между участниками конфликта, так и между посредниками. Обычно виновный выбирает таких медиаторов, которые дружны с семьей потерпевшего [17].

Политика невмешательства, проводимая местными советскими судами, трансформировалась в 1990 — 2000-е гг. в политику поддержки применения традиционных правовых норм. Поэтому в настоящее время местные судебные и административные органы не только не препятствуют горцам самим выбирать ту правовую систему, к которой они хотят прибегнуть при урегулировании конфликтов, но и в ряде случаев поощряют традиционное медиаторство.

Ныне большинство уголовных преступлений не поступают на рассмотрение в российские судебные органы. Негласно медиаторские суды получили возможность, как и прежде, разбирать все дела, связанные с причинением имущественного и физического ущерба. В настоящее время медиаторы рассматривают такие уголовно наказуемые в российском суде преступления, как ранение или убийство, как причинение физического ущерба, которое требует удовлетворения, а не наказания. Медиаторы разбирают дела о кражах частного имущества [30, с. 87].

Ныне горцы не проводят специального заседания медиаторов. Поэтому нет и определенного места для встречи медиаторов и участников конфликта. Как правило, для ведения переговоров медиаторы идут в дом потерпевшего. Это же отмечает и П. Гарб на абхазском материале. Она указывает, что хотя исторически местом для судебного ме-

диаторского разбирательства является большая поляна около священных мест, но в 1950 — 1990-е гг. в основном используют другие места, например, дом потерпевшего или официальное учреждение [36].

Как и прежде, в горском судебном процессе не применяется правило о наказуемости предварительной преступной деятельности, т. е. обнаружения умысла покушения. Медиаторы рассматривают только уже причиненный физический или материальный ущерб. Как и в XIX в., например, у адыгов существует своего рода институт апелляции. Если выбранным медиаторам не удалось примирить стороны, то виновный и его родственники могут выбрать новых медиаторов, которые вновь через некоторое время идут к родственникам потерпевшего. Однако третий раз идти не принято.

При рассмотрении дел, связанных с кражами, судьи применяют постановление о возвращении краденого. При ведении переговоров с виновным важное значение имеет то, какую по счету кражу он совершил. Если человек ранее уже был замечен в воровстве, то вряд ли потерпевший ограничится возвращением краденого. Так известен случай, когда группа адыгейцев, украв однажды 15 коров, вновь совершили кражу скота. Потерпевшие подали на них жалобу в российский народный суд (см: [6] [9] [13] [15] [16]).

При рассмотрении дел о причинении физического ущерба медиаторы руководствуются, как и прежде, адатом, и применяют следующие нормы: устройство «примирительного угощения»; подарки потерпевшей стороне; выплата компенсации; выселение семьи виновного на временное или постоянное жительство в другое место. Эти же нормы применяются и у других народов Кавказа, например, у абхазов [35].

Если во время исходного конфликта произошло ранение, то медиаторы вместе с виновным приходят с извинениями к семье потерпевшего, навещают его самого, приносят ему подарки. По выздоровлении потерпевший устраивает вечер, называемый по-кабардински тхьэллэлу, на который виновный приносит угощение. Иногда виновный сам устраивает традиционное «примирительное угощение» и приглашает семью потерпевшего, которая чаще всего не отказывается от такой встречи (см.: [9] [18] [20] [22] [28]). Если физический ущерб значителен, то медиаторы предлагают семье потерпевшего денежную компенсацию. Например, если пострадавшему выбили зуб, виновная сторона оплачивает стоматологические услуги и т. п. [33, с. 95–108].

При неумышленных убийствах или причинении неумышленного физических увечий, совершенных главным образом во время автомобильных аварий, виновный, как правило, всегда обращается к медиаторам за помощью в примирении с семьей потерпевшего. В таких случаях горцы охотно откликаются на просьбу, однако семья потерпевшего не всегда соглашается на переговоры с медиаторами. Можно сказать, что до сих пор в горском правосознании нет четкого разделения между совершением умышленного или неумышленного преступления. Известны случаи, когда при неумышленном убийстве старика его дочь отказалась мириться, а при аналогичном убийстве мальчиком мальчика из винтовки также поступили родители потерпевшего. В среднем в 8 из 10 случаев автомобильных аварий со смертельным исходом семья потерпевшего или вовсе не обращается в официальные судебные органы, если ранее подала жалобу, то отсылает в российский народный суд заявление об отсутствии претензий к виновному (см.: [8] [10] [13] [18] [19] [20] [22] [23] [24] [25] [26] [27]).

Как показывают этнографические данные, чем ближе территориально находятся конфликтующие стороны, тем сложнее медиаторам добиться примирения. Поэтому если им не удалось восстановить дружеские отношения между семьями виновного и потерпевшего, то иногда, как уже отмечалось, семья виновного принимает решение о добровольной смене места жительства. В настоящее время, как нам представляется, применяемая в прошлом мера о принудительном выселении виновного и его семьи на временное или постоянное место жительства трансформировалась в добровольную смену жительства. В тех случаях, когда медиаторы все же склонны применить меру о принудительном выселении виновного и его семьи, они обращаются к сельскому сходу для получения на это разрешения. Как показывают наши данные, обычно сход принимает решения о выселении злостных воров или агрессивно настроенных участников драки, но такие случаи бывают редко.

Добровольное и принудительное выселение семьи виновного, а иногда и семьи потерпевшего используется и в других регионах Кавказа, например в Аджарии и Абхазии. П. Гарб отмечала, что в Абхазии один сельчанин убил тетю во время раздела имущества. Он был осужден советским судом. В то время, как он отбывал наказание, община приняла решение о выселении его семьи в другую часть Абхазии. Даже после того, как он вышел из тюрьмы, община не разрешила ему и его семье вернуться в родное селение. Решение о выселении может принять и совет старейшин [35].

Подобные примеры применения адата о выселении можно привести и по осетинскому материалу. Например, в селении Сурх-Дигора в середине 1960-х гг. некто Г. (50 лет)

поссорился с молодым человеком из того же селения — Г. (20 лет) и убил его в драке. Убийцу судили в местном народном суде и приговорили к расстрелу. Вскоре после вынесения судебного решения состоялся сход членов местного колхоза. Он постановил для прекращения кровной вражды выселить из селения весь клан виновника инцидента, состоящий из семей братьев и сестер убийцы. Семья виновного, не пытаясь опротестовать решение схода в народном суде или сельсовете, продали дома и переехали в г. Моздок. До сих пор их бывшие односельчане, оказавшись в городе, отказываются от всяких контактов с родственниками убийцы [34]. Или другой случай. Молодой колхозник из Южного поселка в 1970 г. умышленно зарубил топором своего отца, с которым он состоял в длительной ссоре. Убийца подвергся двойному осуждению. Народный приговорил его к 7 годам тюрьмы. По выходе на свободу убийца подвергся своего рода «остракизму» со стороны родственников и всей сельской общины. Все отношения с ним были прерваны и он был вынужден поселиться на окраине селения [34]. Подобный случай произошел в 1986 г. в селении Зильги, где некто Г. зарезал ножом брата своей жены. Народный суд осудил убийцу на 10 лет принудительных работ. Ввиду тяжести этого умышленного преступления родные Г. не посмели пригласить медиаторов к кровникам. Жена убийцы вернулась к своим родным, а вся семья Г. после суда навсегда покинула селение [31, с. 50–64].

Традиционное посредничество практически не используется при совершении изнасилования, поскольку такие ситуации регулируются чаще всего с помощью брака (см.: [7] [9] [14] [16] [21] [26]).

Современное горское общество и горское правосознание направлено на посредничество как на основную

форму урегулирования спорных ситуаций. Как показывают полевые этнографические материалы, например, адыг, который отказывается от услуг медиаторов, односельчанина осуждается, а иногда даже презирается ими. Вокруг такого человека создается атмосфера отчуждения, которая его вынуждает в конце концов обратиться к медиаторам. По сообщению наших информаторов, часто односельчане просят конфликтующие стороны примириться «во имя Аллаха». Те, кто оказывается это сделать, ведут себя «не мусульмански». Как отмечает П. Гарб, у современных абхазов общественное мнение также направлено на то, чтобы семьи виновного и потерпевшего обратились за помощью к медиаторам для урегулирования своего конфликта.

Традиция посредничества, хоть и в ограниченной степени, но используется при урегулировании конфликтных ситуаций не только между горцами, но и между ними, с одной стороны, и проживающими в соседних хуторах и станицах русскими, с другой. Например, при причинении неумышленных физических увечий во время автомобильных аварий, если виновный — русский, то его семья через медиаторов предлагает семье потерпевшего адыга материальную помощь, которую последняя, как правило, принимает. Если же виновный — адыг, то семья потерпевшего русского чаще подает жалобу в российский народный суд или требует более значительного материального вознаграждения, чем то, которое обычно назначается медиаторами в таких случаях. С помощью медиаторов адыги улаживают с русскими ситуации, связанные с изнасилованием русских девушек. В этих случаях родственники виновного адыга вместе с медиаторами идут в дом потерпевшей и предлагают ее родственникам денежное вознаграждение, которое чаще всего принимается.

Согласно принятой 1 сентября 1997 г. новой Конституции Кабардино-Балкарской Республики, официально сохраняется единая моноюридическая судебная система, основанная на российском законодательстве. Органами судебной власти являются мировые и районные суды. В своей работе они руководствуются исключительно новым Уголовным кодексом Российской Федерации, введенным в действие с января 1997 г. Надзор за деятельностью народных судов осуществляет Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики. Согласно новому УК, как и прежде, разделяются убийства, совершенные «по мотиву кровной мести» и убийства «по мотивам мести». В целом критерии их деления не изменились. Первый вид убийства рассматривается как квалифицированное убийство при отягчающих обстоятельствах» (п. «а» ч. 2 ст. 105), а второй — как простое убийство без отягчающих обстоятельств (п. «а» ч. 1 ст. 105). Убийство, совершенное по мотиву кровной мести, «обусловлено стремлением отомстить обидчику либо членам его семьи или рода за подлинную или мнимую обиду, нанесенную убийцей либо членам его семьи или рода». Как правило, кровная месть возникает в связи с убийством родственника. Субъектом такого преступления может быть только лицо, принадлежащее к той национальности или группе населения, где еще встречается обычай кровной мести. В Российской Федерации таким регионом является Северный Кавказ (Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия). При этом само убийство может быть совершено жителем этих республик за пределами своей республики [35].

Несмотря на стремление администрации ограничить сферу применения института мести, он, претерпев существенные изменения, в некоторой степени сохраняет свои позиции в горской общине [29].

Особый интерес представляет функционирование института кровной мести в Ингушетии и применение медиаторства в урегулировании конфликтов и предотвращении мести.

В современной Ингушетии реформа государственных судебных органов осуществлялась одновременно со всеми теми изменениями, которые имели место во всей России. Между тем со второй половины 1990-х гг. в республике начались и «собственные» правовые преобразования, связанные с попытками республиканских властей внедрить в урегулирование различных конфликтов, в том числе и очень серьезных, связанных с кровной местью, ряд норм как обычного (адата), так и мусульманского (шариата) права.

Злободневный вопрос, тревожащий население Ингушетии постоянно, — это кровная месть, с которой боролись и борются ингуши на протяжении последних двух веков. Все это время в Ингушетии существовали и действовали примирительные комиссии, которые функционируют и поныне во всех населенных пунктах республики.

Началось все с того, что на традиционную правовую систему, сложившуюся в течение ряда веков и включавшую в себя нормы адата и шариата, обратил свое внимание первый Президент Республики Ингушетия — Р. С. Аушев, который издал целый ряд постановлений и нормативных актов, регулирующих правовую жизнь ингушей, с учетом правовых ингушских традиций. Так, распоряжением Р. С. Аушева от 6 сентября 1995 г. были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на почве кровной мести. 15 сентября того же года им было утверждено «Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести».

В 2006 г. более 180 семей в Ингушетии находились в состоянии «кровной вражды». Несмотря на все попытки примирить «кровников», многие из них не могут это сделать: в нынешнее время между собой враждуют восемьдесят шесть тайпов [2, с. 133–140].

Формы урегулирования конфликтов, связанных с кровной мстью. Центрами примирения в последнее время становятся мечети. Здесь после короткой молитвы бывшие кровные враги говорят: «Я прощаю тебя (аз пха битар хІона)», обнимают друг друга, благодарят и расходятся с миром. Деятельность исламских лидеров и старейшин по примирению кровников была поддержана Главой Республики Ингушетия Юнус-беком Евкуровым с целью искоренения обычая кровной мести. Он сам старается быть посредником во время примирения, провел личную встречу с главами нескольких враждующих кланов, которых он призвал к миру и прощению обидчиков. За последнее время около 10 пар кровников примирились.

Местные имамы мечетей всегда принимают активное участие в примирении враждующих сторон. Одним из них был уже умерший имам Суламбек Евлоев, который всю свою сознательную жизнь участвовал в решении многих спорных вопросов, состоял в примирительной комиссии и был членом шариатского суда. Среди нынешних можно назвать имена Хазира и Сайфудина Цолоевых, Магомеада Чибиева, Макшарипа Султыгова, Султана Белхароева, Сасурко Латырова, Асхаба Барахоева и др. [3, с. 33–39].

В современной Ингушетии наряду с имамами первой судебной инстанцией [5, с. 36–45] стали и созданные в 1990-е гг. примирительные комиссии, которые, как правило, возглавляют: старшина мюридов тхамада, его помощник — исполнитель турк и авторитетные члены сельского

общества, которые, не доводя дела до шариатского (или российского) суда, сами решают спорные и сложные вопросы.

Примирительные комиссии рассматривают дела, связанные с причинением физического ущерба, с также сложные дела, в результате которых между фамилиями виновного и потерпевшего установились кровнические отношения и семьи находятся в состоянии кровной вражды. Для рассмотрения наиболее сложных вопросов члены примирительной комиссии объединяются вместе с членами сельских советов старейшин. Если их знаний и сил недостаточно для урегулирования конфликта, они передают дело на рассмотрение в гражданский или шариатский суд.

Для того чтобы дело было рассмотрено в примирительной комиссии, требуется добровольное обращение хотя бы одной из конфликтующих сторон. Выслушав жалобу, члены комиссии стараются найти компромиссные решения, которые удовлетворили бы обе стороны. Для того чтобы стороны согласились на примирение, члены комиссии прибегают к различным формам мотивации: уважению к старшим и старейшинам, а также и к любви к Аллаху. Люди часто мирятся «ради Аллаха». Это главная мотивация в «успешных» примирениях [4, с. 34–38].

Если примирительной комиссии удастся разрешить конфликт, то на заключительной стадии процедуры конфликтующие стороны должны в знак примирения дать друг другу руки и поклясться, что по данной проблеме между ними в будущем не возникнет претензий. Как правило, данное слово не нарушается, потому что авторитет лиц старшего возраста еще очень высок и цена данного слова тоже. Это вторая «санкция» в достижении успешных примирений.

В современное время при урегулировании сложных конфликтов, когда в первичном конфликте произошло умышленное убийство, примирители назначают выплату компенсации, размеры которой диктуются потерпевшей стороной.

Переселение в другое место как форма предотвращения мести. Чаще всего в тех случаях, когда кровникам не удается примириться, то семья виновного на время или навсегда переселяется на жительство в другой регион. Житель селения Плиево рассказал нам историю своей семьи. В период гражданской войны, его дед, в драке, случайно убил односельчанина. Но будучи больным человеком, он спустя несколько недель скончался естественной смертью, а кровная месть перешла к сыну. Опасаясь мести со стороны кровников они уехали из Ингушетии. Спустя 40 лет им удалось примириться с семьей потерпевшего и лишь после этого и вернуться на Родину. Таких случаев в нынешнее время — много [1].

Этикет кровников. У ингушей сохраняется и так называемый «этикет кровников», например, виновный не имеет права посещать мечеть, в которой родственники убитого совершают намаз, ходить на свадьбы и похороны к общим родственникам. Женщины из семьи виновного и потерпевшего не носят светлые одежды и при встрече не разговаривают с кровниками. Из страха кровной мести многие увольняются с работы и учебы. Некоторые ингуши уезжают из родных и обжитых мест и скрывают свое местонахождение, боясь преследования.

В ингушском обществе существуют условия, при которых совершение мести невозможно. Так, согласно правилам ингушского обычного права нельзя совершать возмездие, когда человек спит, беззащитен — безору-

жен, раздет, купается и др. В народе всегда порицалось вероломное убийство из-за угла, со спины, из засады, без предупреждения, не окликнув. «Нарушение правил кровомщения всячески осуждалось в ингушском быту. И наравне с этим всячески превозносилось прощение крови за случайное убийство. Так, в народе до сих пор превозносят поступок прославленного абрека Суламбека Гороворжева (Гандалоева), простившего невольного убийцу своего брата».

Факторы, облегчающие примирение «кровников» [37, с. 46–47]. Бывали случаи, когда кровника прощали и за смелость и достоинство. По ингушским обычаям «кровомститель» не должен был скрывать своих намерений и объявить врагу, что эта месть за убийство «такого-то» человека. В народе существует легенда, что узнав, что кровник выехал из селения, его мститель отправился вслед за ним. Они ехали около часа, кровник ждал, что убийца его брата оглянется и он сможет его убить, но он ехал спокойно не прибавляя ход. И когда они приблизились к очередному населенному пункту, кровомститель обогнал своего кровника и сказал, почему ты не постарался укрыться и не прибавил ходу, хотя знал, что я преследую тебя. Ты горд и бесстрашен? Ты не боишься возмездия? Он ответил, я знаю, что ты достойный человек и не станешь стрелять в спину. За его смелость и самообладание ему была «прощена кровь».

Процедура примирения кровников. В тех случаях, когда убийство в первичном конфликте не было умышленным, достичь примирения значительно легче. Так, в ноябре 2009 г. в сумерках водитель легковой машины из фамилии Х. сбил старика из фамилии Б., идущего вдоль трассы. Водитель оказал первую помощь и отвёз пострадавшего в

больницу. В свою очередь близкие родственники водителя Х. приехали в больницу и одновременно к родным старика Б., сообщить о случившемся. С первого дня в больнице дежурили представители фамилии Х. и лично сам водитель. Они проявили своё участие и отправили своих старейшин с дипломатической миссией. Однако родственники Б. лишь ответили: «О чём-либо говорить, когда наш отец в таком состоянии мы не намерены». Две недели старик лежал в реанимации и умер. В день похорон снова появились старейшины с дипломатической миссией и получили следующий ответ: «Мы хороним своего человека. Никаких разговоров пока быть не может». После того, как тело покойного увезли на кладбище, в 12 часов дня снова появились старейшины-дипломаты, а многочисленная родня Х. водителя остановились на значительном расстоянии от дома — в метрах 500–700. Старейшина рода и члены примирительной комиссии направились во двор погибшего. Выразив сочувствие по поводу гибели старика, мулла начал спокойную речь, в которой просил милосердия друг к другу, прощения кровника, который стал им из-за роковой случайности. «Нас ингушей мало, — начал он свою речь — Между нами много родственных связей. Мы все родственники друг другу. Мы вместе все пережили тяжёлые трагедии народа. Мы нелегко жили в горах, мы теряли близких и родных в депортации, мы умели быть сильными, когда требовали обстоятельства. Быть милосердными — это и быть мусульманами в душе. Аллах прощает тех, кто прощает на земле. ...» И дальше о том, что это была трагическая случайность, произошедшая в сумерках, когда водитель не мог ожидать вдоль трассы идущего человека.

Мулла говорил свои слова сидя. Все стояли вокруг и слушали. Затем выступил старейшина из рода Б. Он го-

ворил чуть меньше, но выразив сочувствие по поводу случившегося, сказал, что во имя Аллаха, во имя покойного они прощают смерть. Ни сыновья, ни жена умершего, ни дочери ничего не говорили, а молча стояли в гуще людей. Старший сын — по второму ряду среди близких родственников.

Далее, старший рода сказал, что родственникам водителя можно подойти к дому Б. а пострадавшей стороне нужно выйти им навстречу и стать вдоль дороги. Возглавил эту группу мулла и старейшины, за ними — старшие мужчины и в конце колонны — молодежь. В той же последовательности стала и обратная сторона дожидаясь процедуры примирения. Получив знак, они склонив головы, подошли к мужчинами из фамилии Б., и выражая формулу соболезнования прошли через всю группу ожидавших примирения.

Затем без лишних эмоций, родственники Б. вошли во двор и сели старейшины, молодые остались стоять. Родственники Х., выждав паузу, в возрастном порядке широкой групповой колонной вошли во двор для выражения соболезнования всем родным. После чего, мулла сказал слова благодарности, связывая это с именем Аллаха. Всё это происходило в то время, когда на кладбище хоронили старика. Ко времени возвращения участников похорон и продолжению обрядового процесса после погребения, «кровь была прощена». На протяжении трёх дней похорон Х. приняли участие в трапезных расходах.

Кровная месть за похищение девушки. Похищение девушек с целью устройства дальнейших браков — явление распространенное на всем Северном Кавказе. В тех случаях, когда девушка наотрез отказывается выходить замуж за похитителя, и возвращается в свою семью, между

семьями девушки и похитителя возникают отношения кровной вражды: как правило, похитителя стремятся убить или подвергнуть гонениями. Так, в 1999 г. в Ингушетии была украдена девушка, которая ожидала автобуса на остановке. Ее похититель уже был женат, но у первой жены не было детей, поэтому он и решил взять в жены другую. Девушка не знала этого человека и категорически отказалась выйти за него замуж, поэтому он был вынужден ее вернуть, однако через несколько дней родственники девушки убили похитителя.

Кровная месть в ответ на похищение девушки как один из фундаментальных институтов обычного права сложился у ингушей давно и, несмотря на распространение мусульманского права сохраняется веками. Так, в 1905 г. подобный случай был описан туристом в местной газете — Терские ведомости. Молодой мужчина, имея жену и двоих детей, безрассудно влюбился в девушку из соседнего села и, не совладав с чувствами, против воли девушки похитил ее. Родственники девушки, за нее потребовали калым 500 рублей деньгами, 2 лошади и 50 голов баранов. Похититель, будучи не в состоянии выплатить калым, вынужден был вернуть девушку спустя несколько дней. Родственники за нанесенное оскорбление убили несостоявшегося жениха.

Таким образом, мы можем смело сказать, что правовая культура народов Северного Кавказа не является анахронизмом. Нормы адата успешно «работают» в тех случаях, когда это возможно. Правовое наследие горцев, направленное на урегулирование конфликтов в обществах, является безусловным достижением северокавказской культуры и может рассматриваться не как элемент прошлой истории, но и как часть современности и даже будущего культурного поля региона [32, с. 120].

Использованная литература:

1. Албогачиева М. С. Полевые материалы, 2009–2014.
2. Албогачиева М. С., Бабич И. Л. Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 133–140.
3. Албогачиева М. С., Бабич И. Л. Правовая культура ингушей // История государства и права. 2009. № 19. С. 33–39.
4. Албогачиева М. С., Бабич И. Л. Правовая культура ингушей // История государства и права. 2009. № 20. С. 34–38.
5. Бабич И. Л., Албогачиева М. С. Ислам и право в современной Ингушетии // Религия и право. 2009. № 4. С. 36–45.
6. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 1.
7. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 2.
8. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 4.
9. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5–6.
10. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 2. Д. 9.
11. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 1. Д. 5–6.
12. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 2. Д. 7.
13. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 4. Д. 11.
14. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 1. Оп. 4. Д. 12.
15. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 2. Оп. 6. Д. 16.

16. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 2. Оп. 7. Д. 17.
17. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 2. Оп. 8. Д. 18.
18. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 1. Д. 2.
19. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 2. Д. 2.
20. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 3. Д. 3.
21. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 4. Д. 1.
22. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 4. Д. 2.
23. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 5. Д. 1–2.
24. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 6. Д. 1.
25. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 7. Д. 1.
26. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 7. Д. 2.
27. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 8. Д. 4.
28. Бабич И. Л. Архив полевых материалов. Тетр. 4. Оп. 9. Д. 3.
29. Бабич И. Л. Кровная месть как вид межродового террора [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Евразия». URL: <http://evrazia.org/article/1994> (дата обращения 20.03.15).
30. Бабич И. Л. Соотношение обычного права и шариата в правовой истории кабардинцев // Человек и обще-

ство на Кавказе. Проблемы правового бытия: материалы Всерос. науч.-практ. конфер. Ставрополь, 2002. С. 86–94.

31. Бабич И. Л. Правовая культура осетин и судебные реформы в XIX — XX вв. // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 50–64.
32. Бабич И. Л. Формирование правового плюрализма в советское и постсоветское время на Северо-Западном Кавказе // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000. С. 116–127.
33. Бабич И. Л. Эволюция обычного права адыгов в советское и постсоветское время на Северо-Западном Кавказе // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 95–108.
34. Гостиева А. К. Полевые материалы.
35. Словарь по уголовному праву / ред. А. В. Наумов. М.: БЕК, 1997.
36. Garb P. The Institutions and Practices of Indigenous Law in Abkhazia // Материалы научного отчета для Института «Открытое общество» (1998).
37. Babich I. L. Blood Feud and the forms of mediation in the customary law of Adigs in the Northern Caucasus // Conflict Management and Social Transformation. Bonn: Gustav-Stresemman-Institute e.V., 1997. P. 46–47.